

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

УДК 94-058.12(470.2)''18'':336

ГРНТИ 03.21.31: История России Нового времени

DOI 10.35231/25422375_2021_2_6

С.В. Зайцева

Повседневная жизнь русского помещика на территории Выборгской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в.: материально-финансовые вопросы*

В статье на основе архивных и опубликованных документов раскрываются материально-финансовые вопросы организации помещичьей жизни на территории Выборгской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в.

Значительное влияние на финансовые вопросы ведения хозяйства оказывали действовавшие на территории Старой Финляндии шведские нормы и законы, которые необходимо было учитывать, особенно при налогообложении и привлечении крестьян к труду на помещичьей земле.

Основными источниками для изучения повседневных финансовых вопросов российских помещиков в Выборгской губернии стали личные документы барона А.И. Фредерикса: тетради для записи прихода и расхода денежных средств, тетради для записи денег, выданных в долг, а также отчеты управляющего домом и договоры с крестьянами на выполнение ряда работ по строительству нового дома.

Ключевые слова: дворянство, помещик, усадьба, деньги, финансы, повседневная жизнь, Выборгская губерния, Старая Финляндия, Таубила, Фредерикс.

Svetlana V. Zaitseva

Everyday life of a Russian landowner on the territory of the Vyborg province at the end of the XVIII – first half of the XIX century: material and financial issues

The article, based on archival and published documents, reveals the material and financial issues of landowner life on the territory of the Vyborg province at the end of the XVIII – first half of the XIX century.

Swedish norms and laws that were in force on the territory of Old Finland had a significant impact on the financial issues of household management, which had to be taken into account, especially in taxation and attracting peasants to work on landowners' land.

© Зайцева С.В., 2021

* Статья подготовлена по проекту «Густав III – Спренгтпортен – Екатерина II» в рамках ППС 2014–2020 «Россия – Юго-Восточная Финляндия» при финансовой поддержке Европейского Союза, Финляндии и Российской Федерации.

The main sources for studying the everyday financial issues of Russian landowners in the Vyborg province were the personal documents of Baron A. I. Fredericks: income and expense books, debts books, as well as reports of the house manager and contracts with peasants for work on the construction of a new house.

Key words: nobility, landowner, manor, money, finance, everyday life, Vyborg province, Old Finland, Taubila, Fredericks.

Материально-финансовое положение многих российских дворян уже в первой половине XIX в. было достаточно тяжелым, оно было тесным образом связано с их повседневным образом жизни, преимущественно в Санкт-Петербурге. Некоторые из них владели имениями за пределами столицы, зачастую рассматривая их как возможный дополнительный источник дохода.

Историографический обзор рассматриваемой темы может включать в себя исследования, связанные с особенностями земельного владения и правовых основ жизни дворян, хозяев имений Выборгской губернии [напр., 25], повседневной жизнью дворянства в рассматриваемый период [3; 23 и др.], взаимоотношениями помещиков и крепостных крестьян, прислуги и дворни [4; 5], историей и описанием усадебных комплексов, их внешним и внутренним убранством [7; 9; 24; 26].

Особый интерес представляют краеведческие исследования: они обращаются к большому количеству географических объектов на определенной территории (в частности, усадеб или имений в рамках Выборгской губернии), личностей и фактов, с ними связанных. Однако отсутствуют обобщающие работы, позволяющие сделать выводы о типичном образе жизни населения помещичьей усадьбы рассматриваемого региона. В основном внимание исследователей сосредоточено на архитектурном облике построек, перечислении семей или наиболее известных жителей того или иного конкретного земельного владения, степени его сохранности в настоящий момент. Из имений Выборгской губернии наибольший интерес краеведов вызывает усадьба Монрепо: история ее создания, жизнь известных владельцев, современное состояние и возможности использования этого музейного объекта. Среди работ, авторы которых обращаются к описанию и другим помещичьих владений, можно отметить труды финского архитектора Отто-И. Меурмана [28], а также современные исследования, касающиеся утраченных и сохранившихся усадеб Выборгского района Ленинградской области [1; 27, также встречаются публикации в местных газетах, например, «Выборгские ведомости», и интернет-ресурсах]. Тем не менее, эти тексты также являются достаточно краткими описаниями, не раскрывающими в полной мере различные аспекты повседневной усадебной жизни в рассматриваемый период.

В целом материально-финансовые вопросы повседневной жизни помещиков, в частности Выборгской губернии, не нашли отражения в современной историографии. В предлагаемой статье делается попытка на основе имеющихся материалов восполнить данный пробел.

На территории Выборгской губернии, образованной в первой трети XIX в., большое количество земель было роздано российским дворянам уже в XVIII в. Однако в Старой Финляндии, как стала называться эта территория, действовали особые законы, оказывавшие влияние на разные сферы жизни, в том числе на материально-финансовое положение владельцев имений.

В тот период, когда территория будущей Выборгской губернии входила в состав шведского королевства, в ней были введены особые правила пожалования земель. В середине XVII в. шведские аристократы, занимавшие высокие военные и государственные чины, получали земельные участки за служебные заслуги. Право собственности на эти участки было жестко ограничено: владельцы не имели права передавать их по наследству, земли могли быть возвращены короне [25, с. 87–88].

После присоединения Выборга в 1710 г. Петр I даровал первому обер-коменданту города, бригадиру Г.П. Чернышеву облагавшиеся налогами надель в волости Муолаа. Условием дарения было обязательство обер-коменданта следить за состоянием земель. По окончании срока дарения право владения аннулировалось, территория могла быть передана новому пользователю. Похожие с юридической точки зрения земельные владения, т.е. за служебные заслуги, получили и другие ближайшие сподвижники императора [2]. В 1714 г. императором был издан Указ о единонаследии, по которому поместья как земли, полученные временно за заслуги и на период службы, прекращали свое существование и становились наследственными владениями. Однако на территорию Выборгской губернии данный указа не распространялся, там по-прежнему пользовались шведскими судебными и административными нормами, хотя об этом не было подписано особого соглашения или договора. Когда владелец жалованной земли умирал или терял свое высокое должностное положение, его потомки были вынуждены оставить земли, полученные в Выборгской губернии.

Еще до подписания Ништадтского мирного договора, т.е. до официального перехода территории Карельского перешейка в состав Российского государства, по указу Петра I (1720) было роздано 32 имения, а концу XVIII в. было пожаловано еще более 30 имений. Причем, с западной стороны от королевской дороги дарения ликвидировались. По мнению Ю. Пааскоски, это было вызвано стремлением Петра I «выровнять северо-западную границу, пролежавшую на линии крепостных укреплений Выборга и Кексгольма», а также получением

дополнительных прибылей с налогов, что стало возможным благодаря ликвидации системы дарения земель [25, с. 89–90].

В 1714 г. было принято новое налогообложение, в соответствии с которым вводился единый годовой земельный налог (1 р. 40 к.), который крестьяне должны были выплачивать казне. В сравнении со «шведской» Финляндией налоговое бремя государственных крестьян российской Старой Финляндии было слабее, даже несмотря на то что в 1720 г. его увеличили (2 р. за надел). На жалованных дворянству наделах крестьяне дополнительно платили еще оброк и исполняли барщину, что составляло примерно 7–9 р. Уже в середине 1720-х гг. налогообложение нерусских провинций империи, в том числе бывшей шведской территории, было реформировано. В указе 1726 г. о налогообложении Выборгской провинции говорилось о том, что все налоги должны были учитывать шведские законы. Указ затрагивал в том числе и земли, находившиеся «во временном владении представителями дворянства или в повторном дарении, которые государство планировало в неопределенном будущем получить обратно в платежеспособном с точки зрения налогов состоянии». В 1727–1728 гг. была проведена налоговая проверка всех крестьянских наделов Выборгской провинции. По ее результатам для Старой Финляндии были определены земельные и подушные налоги, основанные на шведских нормах, при этом на территории отменялась российская подушная подать. Крестьян, работавших на жалованных землях, отличало то, что общую сумму налогового бремени определяли не хозяева-дворяне, а представители императорской власти. В результате ревизии вышло постановление, что с нововведенных налогов владелец земли оставлял себе две трети дохода, а одну треть передавал короне [27, с. 30].

Установленные в 1728 г. принципы и правила налогообложения дарованных земель сохранялись до начала 1770-х гг. Тем не менее, уже в 1760-е гг. ощущалась необходимость налоговой реформы. С точки зрения дворянства проблема заключалась в том, что изменения в налоговой платежеспособности крестьян не приносили пользу хозяевам земель. Уже в 1765 г. был опубликован указ об образовании новой Ревизионной комиссии по межеванию земель. В задачи комиссии входила подготовка и осуществление новой налоговой ревизии, которая включала бы новое распределение налогов как для государственных, так и для жалованных земель. Проект продвигался медленно, во многом это было связано с протестами дворян и крестьян. Дворянство расширяло свои усадебные хозяйства и не хотело, чтобы государство вмешивалось во внутренние налоговые взаимоотношения с крестьянами. Крестьяне не поддерживали ревизию, потому что с ее принятием они связывали новое повышение налогов [25, с. 90–93]. В итоге работа Ревизионной комиссии была полностью остановлена в 1788 г.

из-за новой русско-шведской войны, а возобновлена лишь в 1792 г., но уже в 1802 г. ее деятельность вновь была приостановлена. Таким образом, новые налоговые принципы так и не были осуществлены на практике [27, с. 30].

Одновременно с этим происходило усиление позиций российского дворянства и расширение прав на пожалованные земли. Земельные наделы, находившиеся во владении, утверждались личной государственной жалованной грамотой, в соответствии с которой даровалось определенное количество крестьян или наделов в определенной волости, провинции или губернии, а также условия дарения, в том числе срок «временно», «на умеренный период времени», «до смерти» владельца и т.д. В середине 1730-х гг. в отношении сроков дарения пришел термин «в вечное и потомственное владение», а через несколько десятилетий – «полная собственность». В соответствии с указом 1765 г. жалованные грамоты о дарениях земель в Выборгской, Лифляндской и Эстляндской губерниях должны были содержать единые формулировки, после чего в Старой Финляндии были установлены три возможных типа дарения: высшую категорию составляли земли, переданные в «вечное и потомственное владение», другие два типа считались «срочными» и «временными» владениями [25, с. 94–95]. Унификация терминов позволяла четко установить юридическое положение земли, собственности на нее и на то, что на ней находилось. При этом на территории Старой Финляндии принципы шведского земельного владения по-прежнему сохранялись. Крестьяне дарованных земель этих территорий изначально не были крепостными и считались индивидуально свободными, что ставило формулировки жалованных грамот о собственности в противоречие с принятыми на территориях нормами. Кроме того, налоговой ревизией 1728 г. было установлено, что корона и в дальнейшем имела право определять налоговые отношения донатариев и крестьян, независимо от содержания жалованных грамот, указывавших на полное право собственности. Чиновники местного управления, независимо от формулировок жалованных грамот, придерживались в их отношении такого же порядка, что и в отношении временных донаций: дворянству были дарованы лишь две трети годового дохода с земельного налога [25, с. 96].

Расширение права собственности на землю в случае «вечного и потомственного владения» открывало возможности ее наследования, завещания, закрепления, продажи, покупки, закладывания в счет долга, постепенно распространявшиеся и на территории Старой Финляндии. Продажа и покупка жалованных земель участились в 1760–1770 гг. Предметом сделок обычно становились средние и мелкие территории, распределенные между наследниками. При этом в купчих, как отмечает Ю. Пааскоски, не было упоминаний о крестьянах, душах, которые были своеобразным мерилom собственности. Вероятно, это было

следствием ряда судебных разбирательств, рассматривавшихся местными судебными органами. Видимо, первоначально владельцы земель в Старой Финляндии действовали по привычному им принципу, характерному для остальной российской территории: при продаже, покупке или закладывании имений в счет долга учитывались души крестьян, особенно если для реализации данных операций дворяне обращались в Государственный заемный банк. Часть выдаваемых кредитов шла на содержание дворян и на их личные расходы. В качестве кредитной гарантии дворянин закладывал имеющихся в собственности крепостных: за одну крепостную душу можно было получить 40 руб. кредита [25, с. 96–98]. При этом для получения займа дворянин должен был доказать, что имеет право собственности на закладываемые крестьянские души.

Первые заявления на займы из Старой Финляндии были приняты к рассмотрению осенью 1786 г. Заложить крестьянские души и получить ссуду стремились владельцы многих имений: генерал, граф И.П. Салтыков; вице-президент Адмиралтейств-коллегии, граф И.Г. Чернышев; штабс-капитан Преображенского полка А.И. Фредерикс; действительный камергер, граф П.В. Бутурлин. Однако в ноябре 1786 г. Выборгская палата городского суда вынесла постановление, в соответствии с которым объявлялось, что крестьяне Старой Финляндии не являлись собственностью дворянина-владельца земли, следовательно, их невозможно было заложить в качестве гарантии в Государственный заемный банк. Палата гражданского суда отправила решение по данному вопросу в Правительствующий сенат, который подтвердил его специальным указом 15 января 1787 г. Данное решение имело несколько последствий: оно вызывало в среде дворян возмущение, поэтому многие представители высшего дворянства продали свои имения нижестоящим чинам, а также купцам. Кроме того, в формулировки жалованных грамот вносились изменения: в них теперь указывалось, кому принадлежит дарение, какие деревни и какое количество душ относится к дарованной земле (но не принадлежит владельцу) [25, с. 99–100].

В результате многих торговых сделок владельцами земельных участков в 1770–1780-х гг. все чаще становились дворяне более низкого статуса с социальной и экономической точки зрения. Они были вынуждены заниматься развитием усадебного хозяйства с целью увеличения собственных доходов путем оптимизации сельского хозяйства, устройством мануфактур и предприятий на своих землях. Однако для развития усадебного хозяйства дворянам необходимо было увеличить трудовую повинность крестьян. Для выполнения сельскохозяйственных работ (подготовки земли к пахоте, посева, сбора урожая и т.д.) требовалось большее количество рабочих рук, но нормы, установленные ревизией 1728 г., не позволяли владельцу уве-

личить трудовую нагрузку крестьян. Дворяне пытались доказать, опираясь уже на шведские законы, по которым жалованные земли являлись шведскими фрельзами, т. е. землями, переходившими по наследству. В таком случае крестьяне являлись арендаторами земли. А в соответствии со шведским земельным законом Кристофера Баварского 1442 г. арендаторы должны были раз в шесть лет составлять с собственником земли налоговый контракт. В таком контракте дворяне видели возможность обойти нормы ревизии 1728 г., получить резкое увеличение работающих крестьян, а обрабатываемые ими поля привести к налогообложению. В целом императорская власть не возражала против таких налоговых контрактов, но требовала их подтверждения в местных судах [25, с. 101–102].

Первый налоговый контракт, как отмечает Ю. Пааскоски, был заключен придворным аптекарем М.Х. фон Брискорном при приобретении в августе 1772 г. жалованной земли Сумбула в волости Рауту. Финский историк так описывает условия данного контракта: «крестьяне, помимо установленных ревизией 1728 г. налогов, были обложены также барщиной. Каждая вторая налоговая единица должна была отправлять одного мужчину-крестьянина в возрасте от 15 до 60 лет вместе с лошадью для работ на землях усадьбы. Крестьяне должны были также в течение двух недель в год либо на лошадях, либо на ногах работать в усадьбе в период возделывания земли, посева, уборки сена и сбора урожая. Кроме того, крестьяне были обязаны осуществлять перевозку различных грузов. Расширивший усадебное хозяйство фон Брискорн получил за счет заключения такого контракта дополнительные налоговые доходы с крестьян в форме трудовой повинности и обязательств по перевозкам. По отношению к одной налоговой единице фон Брискорн получал 156 рабочих дней в год. Если на жалованной земле было около 36 налоговых единиц, которые обрабатывали крестьяне, то трудовая повинность составляла чуть больше 5 600 рабочих дней в год. Если на территории налоговой единицы трудились в среднем 6 мужчин, то один мужчина в год выполнял около 26 дней трудовой повинности. В 1811 г. налоговая ситуация Сумбула оставалась практически такой же, произошел лишь небольшой прирост налогового дохода, связанного с ростом населения. Фон Брискорны получали с крестьян около 6 300 дней трудовой повинности в год. В сравнении с трудовой повинностью крепостных крестьян на исконно русских территориях, повинность крестьян фон Брискорнов в годовом исчислении была не столь высока» [25, с. 102–103].

На мелких и средних жалованных землях Старой Финляндии переход на контрактную систему произошел в период между 1770 и 1780 гг. В большей части контрактов упор делался на барщину, но также заключались контракты денежные и связанные с зерновым оброком. Обязательным условием являлось утверждение налоговых контрактов

в местных судах. Таким образом, крестьяне жалованных земель, являясь договоробязанными, по собственному желанию могли оспорить контракт или обжаловать его, вплоть до обращения к Правительствующему сенату. Для дворян такие контракты были неудобны, поскольку, помимо возможности их обжалования со стороны крестьян, по действовавшим в Старой Финляндии шведским законам и постановлениям для заключения контракта необходимо было получить согласие самих крестьян. В результате владельцы жалованных земель старались проводить контракты без согласия не только крестьян, но и судов низших инстанций, что привело к увеличению социальной напряженности на территории Старой Финляндии.

Наиболее известным стал конфликт между помещиком А.И. Фредериксом и крестьянами мызы Таубила. В 1785 г. барон Андрей Иванович фон Фредерикс составил контракт, налоги по которому значительно превышали обозначенные ревизией 1728 г. Часть крестьян не согласилась подписать контракт; от крестьян, выступивших против, Фредерикс потребовал либо согласиться, либо покинуть наделы [8]. В результате между управляющими усадьбой и крестьянами возникли столкновения, которые в дальнейшем рассматривались в суде [25, с. 104–105]. Суд Старой Финляндии отказал Фредериксу в его требованиях, сославшись на налоговую ревизию 1728 г., ревизию 1765 г., указ Верховного тайного совета 1726 г., а также на принятые в Старой Финляндии шведские законы. По ним «дарованные земли не являлись полной собственностью владельца, а формулировки Жалованных грамот необходимо было толковать следующим образом: корона поручила свои владения дворянину, который не имеет права претендовать на большее количество налогов, чем сама корона» [25, с. 104]. Фредерикс пытался обжаловать решение в Правительствующем сенате, но рассмотрение дела было отложено на долгие годы, в результате хозяева земель перестали учитывать мнения Сената, составляя и подписывая новые контракты с крестьянами. Фредерикс продолжал требовать от крестьян либо соглашаться на заключение нового контракта, либо покидать наделы, а в усадьбе повторялись столкновения между крестьянами и управляющими, эти стычки потом рассматривались в судах. В итоге Сенат вынес свое решение по делу лишь в 1798 г. Согласно этому решению жалованные земли Старой Финляндии считались собственностью дворянина, а крестьяне не имели права покидать наделы [25, с. 104].

Для Фредерикса, как отмечает Ю. Пааскоски, подобная ситуация означала возможность «перехода от модели налоговой единицы, в центре которой был конкретный надел, к модели русских подушных налогов, по которым трудовая повинность определялась общим количеством мужчин». Далее историк поясняет: «на земле фон Фридрикса работало около 1850 крестьян (от 15 до 60 лет), каждый из которых

отрабатывал 26 дней трудовой повинности в году, что в целом составляло 48 100 дней в году. В дальнейшем дело по усадьбе Таубила вновь оказалось в суде, который принял решение вернуться к старой налоговой модели, снизив количество трудовых дней до 3 450 в год, что оказалось значительно меньше, чем при системе фон Фридрикса» [25, с. 105]. Лагманский суд пришел к компромиссу, в рамках которого были учтены интересы обеих сторон. Отмены «модели налоговой единицы» не произошло, но увеличение налогов было достигнуто поднятием трудовой повинности для каждой единицы до 326 дней. Таким образом, владелец земель получал с 46 налоговых единиц около 15 000 отработанных дней в год. Решение было обосновано неактуальностью налоговой системы 1728 г. В целом по статистическим описаниям на земле Таубила проживало, как отмечает финский историк, около 3 010 чел. (1603 мужчин и 1407 женщин), из них 1875 – в возрасте от 15 до 60 лет. В таком случае на них приходилось лишь по 8 дней трудовой повинности в год. Несмотря на это, и Фредерикс, и крестьяне вновь попытались обжаловать решение, но Правительствующий сенат не стал его пересматривать, а лишь рекомендовал обеим сторонам смириться с ситуацией и довольствоваться принятым решением [25, с. 105]. Тем не менее, несмотря на подобные изменения в жизни крестьян Старой Финляндии, их трудовая повинность, как пишет исследователь, была значительно слабее, чем у русских крепостных, которые отрабатывали в среднем 150–160 дней на земле своего хозяина-дворянина.

В период с 1798 по 1802 гг. в Старой Финляндии было зарегистрировано около двадцати крупных крестьянских волнений, часть из которых стала следствием неподчинения приказам и налоговым законам, что нередко приводило к рукоприкладству, стычкам, а затем новым судебным разбирательствам, в результате которых земельные пожалования могли быть даже конфискованы (но по прошествии времени нередко возвращались старым владельцам).

По окончании русско-шведской войны 1808–1809 гг. в состав Российского государства вошла территория так называемой Новой Финляндии, ставшая Великим княжеством Финляндским. Включение в состав княжества территории Старой Финляндии рассматривалось, в том числе, и как способ улучшения положения крестьян на жалованных землях. Особенно эту идею поддерживал граф Г.М. Армфельт, который перешел на русскую службу в мае 1811 г. Присоединение Старой Финляндии к Великому княжеству Финляндскому в виде Выборгской губернии давало возможность императору попытаться решить вопрос с положением крестьян на этих территориях без издания специальных законов, по сути, с опорой на сохранявшиеся там традиции и нормы шведских административных и судебных законов [27, с. 31].

В Великом княжестве Финляндском и, соответственно в Выборгской губернии, официальным языком стал шведский, на нем велось все делопроизводство. Многие русские помещики, владевшие землями, уже не чувствовали себя «хозяевами», как раньше: теперь действовали преимущественно шведские законы и большими правами обладали дворяне шведского происхождения. Попытки русских дворян «бороться за свои привилегии вызывали недовольство местных властей, которые через Финляндский сенат обращались к императору с жалобой на строптивых русских помещиков». Для разрешения ситуации теперь уже с русскими помещиками был создан в 1825 г. специальный комитет под председательством финляндского генерал-губернатора Закревского [27, с. 31]. По итогам работы комитета в 1826 г. было принято решение «присвоить всем помещикам Старой Финляндии фрельсовое право без всяких исключений, а гейматным обывателям жалованных имений определить десятилетний срок для схода с гейматов ими занимаемых» [8], т. е. земли были объявлены собственностью русских помещиков, а местные жители могли в десятилетний срок заключить со своими хозяевами договор аренды или оставить эти земли [2].

Но, несмотря на нововведения, многие владельцы, включая барона А.И. Фредерикса, не продавали земли, а оставались в своих имениях, пытаясь развивать хозяйство, следить за расходами и увеличивать свои доходы. Не все помещики владели наследственными имениями. Таковым являлось имение Хиетала под Выборгом, владельцем которого в 1810 г. стал Георг Магнус Спренгтпортен, первый генерал-губернатор Великого княжества Финляндского, на тот момент находившийся в отставке. После смерти Спренгтпортена его вдова обращалась к финским властям с просьбой передать ей владение этой землей [10]. Тем не менее, о многих владельцах и их усадьбах на настоящий момент известно немного. Повседневные вопросы финансового характера позволяют раскрыть документы Андрея Ивановича Фредерикса, сохранившиеся в Ленинградском областном государственном архиве города Выборга.

Дворянский род Фредериксов известен в России с XVIII в. Иван Юрьевич Фредерикс, родом из Голландии, был приглашен ко двору Екатерины II придворным банкиром. В 1773 г. он получил баронский титул, а затем приобрел имение в Выборгской губернии у потомков графов Мусиных-Пушкиных, а также землю в Пюхьярви у вдовы графа Петра Салтыкова. Его наследнику, Андрею Ивановичу, родившемуся в 1760 г., перешли эти земли под названием Таубила [8].

Барон А.И. Фредерикс, помимо того что был известным военным деятелем, устанавливавшим жесткие отношения с крестьянами, был еще и любителем лошадей. На территории его усадьбы находились конюшни, лошади из которых поставлялись в армию. О пристрастии

барона говорят тетради о способах лечения ран и болезней у лошадей из конюшен усадьбы. Например, лечить занозу под копытом лошади предлагалось следующим образом: «вынув занозу, прочистить рану, впустить в нее несколько зверобойного масла, смешанного с скипидаром, покрыть се льном, намазав на него [базильной] мази и [арцеева] бальзама, а сверх одного положить еще коровьего калу, так чтобы вся подошва была покрыта оным, и наконец обвязать тряпицею. На другой день снять обвязку, прочистить рану, залить опять зверобойным маслом с скипидаром, покрыть льном обмочи оный в [сапожничий] вар, чтобы грязь и песок не могли попасть в рану, обвязать тряпицею, и переменять обвязку ежедневно, очищая всегда рану» [22, л. 2]. Расходы на покупку лошадей были постоянной статьей расходов Андрея Ивановича.

Подобно многим помещикам Фредерикс большую часть времени проживал в Санкт-Петербурге, а в усадьбу приезжал эпизодически. В 1810 г. по доверенности он поручил ведение дел в своем имении коммерции советнику А.И. Перетцу [11]. Тем не менее, сам барон старался отслеживать финансовые дела, поскольку состояние имения определяло его благосостояние.

Типичным явлением в жизни дворян рассматриваемого периода стала жизнь в долг. Несмотря на крупные суммы, которые получали дворяне на государственной службе в качестве жалования (в сравнении с ценами на продукты и товары первой необходимости), денежные траты значительно их превышали. Жизнь при императорском дворе требовала огромных средств, прежде всего на внешний облик. Любой дворянин, появлявшийся при дворе, должен был выглядеть в соответствии со своим статусом: парадное платье, ткань, декоративные элементы, украшения, карета, слуги – все это регламентировалось и должно было соответствовать тому чину или рангу, который занимал дворянин. С карьерным ростом, новым чином или новой должностью траты увеличивались. Пышные обеды, которые дворяне проводили в своих домах, с приглашением огромного количества гостей, с деликатесами на столах, также требовали значительных расходов: на один торжественный ужин могло уходить до 800 р. Кроме того, знатным высокопоставленным лицам считалось неприличным сразу же оплачивать поставки продуктов или заказы по пошиву костюма. Подобные счета зачастую накапливались в течение нескольких лет и набегали на кругленькие суммы. Чтобы избавиться от долгов, многие дворяне были вынуждены либо продавать свои имения с крепостными крестьянами, либо закладывать и перезакладывать свои поместья. Усадьба Таубила А.И. Фредерикса в 1810 г. была оценена в 583 333 р., при этом сумму в 37 500 р. ассигнациями помещик оставлял в собственном распоряжении, а оставшуюся сумму в 545 833 р. доверял

А. Перетцу «употреблять залогом в обеспечение Казны по откупам, подрядам и другим с Казною делам» [11, л. 1].

Важным аспектом в повседневной жизни помещика-дворянина в начале XIX в. становится организация контроля за собственными финансовыми средствами, что выразилось в попытках ведения книг прихода и расхода денежных средств. В 1820-е гг. (за более ранний период не сохранилось подобных документов) барон А.И. Фредерикс лично записывал, на что он тратил деньги и откуда их получал, причем все необходимые суммы (как они были потрачены или получены) он отображал в таблицах в разных денежных единицах того времени: червонцах, рублях серебром и ассигнациями, а итоги подводил с учетом перевода одних денежных единиц в другие. Например, за июнь-июль 1827 г. суммы были следующие: «Итого: 90 червонцев; 1 руб. 30 коп. серебром; 4623 руб. 2 коп. ассигнациями. В расходе: 56 червонцев; 268 руб. 70 коп. серебром; 3104 руб. 80 коп. ассигнациями. Затем остается: 34 червонца; 3104 руб. 80 коп. ассигнациями. Передержано серебра, за исключением 1 руб. 30 коп., 267 руб. 40 коп. что и составит на ассигнации 1069 руб. 60 коп. Итого в остатке: 34 червонца; 2035 руб. 20 коп. ассигнациями» [14, л. 4].

Отдельную статью расходов в записях Фредерикса составляло жалование слугам. К сожалению, в записях нет ранжирования слуг по степени их занятости и объему работ в хозяйстве барона, но жалование слуги получали разное. Так, некто Синицын получал в 1823 г. в месяц в среднем 5 р., «Егор при мне» – 15 р., фореитор Мирон – 5–10 р., прачка – 6–7 р., повар – 5 р. Следует отметить, что даже слугам не всегда и не полностью выплачивалось жалование, о чем делались соответствующие записи: «за год следует – 180, получил – 155», «за год следует – 180, старых – 25, итого – 205, получил – 150», «по 1 число Генваря 1823 года следует ему 40 рублей», «старых следует 40» и т. д. [12].

В другой тетради А.И. Фредерикс фиксировал кому и сколько он давал в долг, в случае возвращения денежной суммы полностью фамилия зачеркивалась. Список должников значительный: князь Николай Долгоруков (участник Отечественной войны 1812 г, заграничных походов, Персидской войны 1827 г. и других военных кампаний, впоследствии литовский и малороссийский генерал-губернатор в 1840-е гг., покончил жизнь самоубийством из-за растраты казенных средств в размере 43 000 р. серебром [6, с. 142]); Павел Коцебу (также участник многих военных событий, особенно отличился в годы Крымской войны, впоследствии – генерал-губернатор Новороссии и Бессарабии, Варшавский генерал-губернатор), князь Николай Голицын (военный деятель, профессиональный военный, писатель, переводчик, богослов, виолончелист, музыкальный общественный деятель), генерал Депрерадович, князь Севарсемидзев, Бутурлин, Шереметьев, полков-

ник Федор Сабуров и его брат Александр, Степан Трубников, князь Суворов, граф Толстой, Пущин [13; 14] и т.д. Суммы варьировались от 200 червонцев князю Долгорукому до 27 р. ассигнациями, выданными Павлу Коцебу, или 3337 р. ассигнациями – князю Николаю Голицыну [13, л. 1–2]. Видимо, А.И. Фредерикс был достаточно щедрым человеком, не скупясь на разные суммы в долг многим влиятельным и богатым лицам, приближенным ко двору (возможно, давая в долг даже в ущерб своим личным средствам, но с учетом привилегий в будущем).

Отмечены в тетрадях важные покупки: за быков для казны было выплачено 35 р. и 195 р. серебром, за оружие у пленных персов 6 червонцев [14, л. 4], за железо – 1250 р. ассигнациями, за ковры – 14 червонцев, за серого и гнедого жеребцов – 47 р. серебром и 31 р. 50 к. соответственно [14, л. 6], за серебряный прибор к уздечке – 300 р. ассигнациями [15, л. 2], «Ягамакову купцу за разные покупки» – 572 р. серебром [15, л. 6], указывалась плата за отдельные услуги: писарям в артель (92 р. ассигнациями), за отправление письма на почту (2 червонца) [14, л. 5], мастеровым за шитье вещей (40 р. ассигнациями), священнику за молебен (1 червонец) [15, л. 2], за починку часов (3 червонца) [15, л. 3] и т. д.

В качестве расходов были отмечены собственные долги и развлечения: «проиграл – 9 червонцев» [14, л. 3], «отправлено Кузнецову для водки» – 4 р. 20 к. серебром [14, л. 5], театр – 20 р. ассигнациями [14, л. 12], за вино – 6 червонцев [14, л. 13], за шампанское – 2 червонца 1 р. серебром, «с прискорбием на вздор и дрянью» – 13 р. 80 к. серебром [14, л. 6]. Иногда барон тратил деньги на благотворительность: «на доброе дело» – 106 р. 22 к. ассигнациями [14, л. 5], «бедной» – 50 руб. ассигнациями [15, л. 8].

Суммы прихода в тетрадях А.И. Фредерикса расписаны не настолько подробно, как расходы. Прежде всего отмечены те средства, которые возвращались должниками барону, а также деньги, вырученные за продажу скота, ячменя, пшеницы [14, л. 3 об.], или, например, суммы, полученные совершенно неожиданно: было «найденно в шкатулке» 150 руб. ассигнациями [14, л. 2 об.].

Своеобразным источником дохода стали для А.И. Фредерикса взаимоотношения с крестьянами. Как уже отмечалось, барон пытался увеличить подати с крестьян, но дело закончилось длительным судебным разбирательством не в пользу Фредерикса. Тогда он очень тщательно стал следить за соблюдением права собственности на свои земли и штрафовать крестьян, например, за рубку и увоз бревен «без позволения». Только в осеннем заседании 1833 г. местного суда за подобные нарушения были привлечены 6 чел. (и обсуждение нарушений 8 крестьян отложено на следующее заседание суда) на общую сумму 211 р. 70 к. [17, л. 1–2].

Как и многие другие владельцы усадеб, проживающие в столице, Фредерикс получал денежные отчеты от управляющего своим именем. В этих отчетах, в отличие от книг прихода и расхода потраченные суммы отражены более подробно, кроме того, отмечены и некоторые факты из жизни усадьбы. В отчетах 1830–1831 гг. управляющий И. Шумов описывал ремонтные работы, проводившиеся в строениях на территории, с указанием сумм и количества потраченного строительного материала. Так, 18 мая 1830 г. управляющий сообщал барону, что «на галерее трактира передвинуты по размеру два окна и одна дверь с прибавлением последней в вышину; у кузнеца в сенях так же передвинута одна дверь применяясь к имеющей быть лестнице»; «печником в новом отделении пробито и заделано в стене четыре трубы для дыму»; «щекотуром покрыта над новым отделением черепицею крыша и подмазана»; «кровельщиком повыше помянутой крыше сделан с трех сторон из железных листов борт и три слуховые окошка» [16, л. 1]. Подобные отчеты И. Шумов отправлял каждые две недели, в них он указывал и истраченные суммы на жалование строителям и сами материалы, особенно в большом количестве закупался кирпич, бревна и доски разных размеров. В период с мая по август 1830 г. только на строительные работы было выделено и потрачено 2 029 р. 30 к. [16].

По отношению к работникам барон проявлял иногда щедрость: в награждение кузнецам и плотникам в октябре 1827 г. было выплачено 2 р. серебром [14, л. 5], в июне 1830 г. было куплено «по приказанию Г. Барона ведро вина для рабочих при закладке нового строения» на сумму 8 р., а также «два пирога в 20 ф. на закуску» на сумму 2 р. [16, л. 2].

В 1836 г. А.И. Фредерикс решил строить новый деревянный усадебный дом. На разные виды строительных работ были заключены договоры с крепостными крестьянами других губерний. Так, с крестьянином Костромской губернии Степаном Санковым был заключен договор на строительство «по плану и фасаду» на каменном фундаменте деревянного дома с мезонином. За всю плотничью работу С. Санков должен был получить 3 000 р. в случае выполнения работ в течение лета 1836 г. Таким образом, он должен был за два месяца дом «подвести под крышу, а потом продолжать внутреннюю отделку то есть дверные и оконные косяки, черные полы и потолки, обтесать внутренние стены, сделать внутри по потолкам чистую подшивку и карнизы, а снаружи балконы с колоннами и карнизы на фасаде означенные, обшить весь дом дюймовыми досками плотно и чисто, крышу покрыть в два теса из того же лесу плотно и хорошо», настлать «полы из чисто строганных досок, но оные окончить окончательно весною» 1837 г., чтобы «дать хорошо высохнуть лесу» [18, л. 1–2].

После строительства непосредственно дома появились договоры на выполнение других работ. С крестьянином-печником Ярославской губернии Лукой Кунтышевым был заключен договор на ремонт печей и дымовых труб на мызе Таубила. В тексте прописан конечный результат: крестьянин обязался сделать «в новом доме девять печей изразцовые, с 14-ю близирами, изразцовые же, с 9-ю разделками, с 9-ю бранжирами, с 9-ю же дымовыми трубами, с щекотуркою и краскою труб, совершенно по архитекторскому плану и по размеру на оном прочно и чисто, ценою за всю оную работу четыреста рублей монетою, печки и близиры должны сделаны быть из лучших белых изразцов», «каждая печь должна иметь восемь проходов» [19, л. 1–1 об.]. В соответствии с текстом печник должен был произвести работу в апреле-мае 1837 г. Если «печи и близиры не прочно и красиво сделаны или не будут содержать в себе жару в целые сутки после топления, или будут дымить», то Кунтышев должен был переделать печи за свой счет. Кроме того, он обязался по договору производить починку печей в течение 10 лет без какой-либо платы, если ремонт последует в результате ошибок в работе печника [19, л. 1 об.].

Управляющим барона Фредерикса был заключен договор с Филипом Ларионовым на сумму более 800 руб. на проведение столярных работ в новом доме: в соответствии с текстом необходимо было сделать «летний и зимний переплет в каждое окно большое и малое», «створки двери большие и малые», оконные и дверные наличники, форточки, «плинтусы всякаго рода» [20, л. 1–2].

С Иваном Савельевым был заключен договор на выполнение малярных работ в течение лета 1837 г. Он должен был использовать свои лучшие материалы: для покраски крыши – красную краску, «составленную на чистом конопляном масле», для обшивки стен дома – палевую краску, для обшивки фундамента – серую краску. Колонны, карнизы, галереи «с потолками, с перилами, оконные зимние и летние рамы с наличниками и двери с наличниками» маляр обязался выкрасить белой краской. Все указанные поверхности он должен был покрыть краской три раза. За свою работу И. Савельев получил 450 р. ассигнациями [21, л. 1–2].

Таким образом, к концу жизни Андрей Иванович, видимо, уже достаточно успешно контролировал свои финансовые сбережения, поскольку смог позволить себе строительство нового большого дома с обилием архитектурных украшений, изразцовых печей, выполненных из лучших материалов, которые только можно было найти в Санкт-Петербурге. Вероятно, это стало возможным в том числе и благодаря тщательным записям и контролю за своими сбережениями. Однако такая финансовая ситуация не всегда являлась типичной для российского дворянства к середине XIX в.

В целом материально-финансовые вопросы являются достаточно специфической стороной жизни русского дворянства. Их изучение основано преимущественно на личных финансовых документах, которые стали активно появляться и распространяться на рубеже XVIII–XIX вв. Тем не менее, подобные материалы позволяют не только проследить финансовое состояние дворянского сословия в рассматриваемый период, но и осветить отдельные аспекты повседневной жизни русской помещичьей усадьбы, в том числе с учетом территориальных особенностей, как, например, в Выборгской губернии. Последующее изучение данной тематики возможно проводить с привлечением материалов и экспонатов музейных учреждений, что позволит заполнить существующие пробелы в исторических и краеведческих исследованиях и в дальнейшем использовать полученные материалы в экскурсионной, музейной и туристской деятельности.

Список литературы

1. Александрова Е.Л. Усадьбы Выборгской губернии. – СПб.: Гйоль, 2016. – 301 с.
2. Балашов Е.А. Донационные земли. [Электронный ресурс]. – URL: https://terijoki.spb.ru/kannas/don_zem.htm (дата обращения: 01.08.2021).
3. Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. – СПб.: Алетейя, 2010. – 478 с.
4. Верemenko В.А. На острие домашнего пространства: хозяева и прислуга в дворянских семьях России (XIX – начало XX в.) // Российская история XIX–XX веков: Государство и общество. События и люди: сб. ст. – СПб.: Лики России, 2013. – С. 58–77.
5. Верemenko В.А. Помещик и дворян: специфика взаимоотношений (первая половина XIX в.) // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.В. Карпова. – Вып. 8. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2017. – С. 27–34.
6. Воспоминания Александра Васильевича Мещерского. – М.: Унив. тип., 1901. – 202 с.
7. Врангель Н.Н. Старые усадьбы. Очерки русского искусства и быта. – СПб.: б.и., 1910. – 181 с.
8. Дмитриев А. Барон Фредерикс и его владения. Из истории Выборгской губернии // Выборгские ведомости. – 2013. – № 96. [Электронный ресурс]. – URL: <http://vyborg-press.ru/articles/11701/> (дата обращения: 01.08.2021).
9. Кузнецова Ю.М. Русская дворянская усадьба. Экономические, политические и социально-культурные аспекты (вторая половина XVIII – начало XIX вв.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Самара, 2005. – 198 с.
10. Ленинградский областной государственный архив в г.Выборге (ЛОГАВ). Ф. 1. Оп. 2. Д. 787.
11. ЛОГАВ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 1.
12. ЛОГАВ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 3.
13. ЛОГАВ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 5.
14. ЛОГАВ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 6.
15. ЛОГАВ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 7.
16. ЛОГАВ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 8.
17. ЛОГАВ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 12.

18. ЛОГАВ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 14.
19. ЛОГАВ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 15.
20. ЛОГАВ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 16.
21. ЛОГАВ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 17.
22. ЛОГАВ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 18.
23. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII - начало XIX века). – СПб.: Искусство-СПб, 2008. – 412 с.
24. Охлябинин С.Д. Повседневная жизнь русской усадьбы XIX века. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 347 с.
25. Пааскоски Ю. Жалованные земли на территории Старой Финляндии, 1710–1812 // Русский Сборник: исследования по истории России / ред.-сост. О.Р. Айрапетов, М.А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. – Т. XVII: Финляндия и Россия. – М.: Модест Колеров, 2015. – С. 85–112.
26. Рузвельт П. Жизнь в русской усадьбе: опыт социальной и культурной истории / авторизов. пер. с англ. Н.А. Вознесенского и А.В. Вознесенского. – СПб.: Коло, 2008. – 518 с.
27. Смирнов А.А., Смирнова О.К. Выборгские усадьбы XVIII–XIX веков. – СПб: Алаборг, 2009. – 88 с.
28. Meurman Otto-I. Viipurin pitäjän historia III – Kartanot. – Kustantaja: Viipurin maalaiskuntalaisten pitäjäseura ry, 1985. – 448 с.

References

1. Aleksandrova E.L. *Usad'by Vyborgskoj gubernii* [Estates of the Vyborg province] – St. Petersburg: Gjol', 2016. – 301 p.
2. Balashov E.A. *Donacionnyye zemli* [Donational lands] [Elektronnyj resurs]. URL: https://terijoki.spb.ru/kannas/don_zem.htm (data obrashcheniya: 01.08.2021)
3. Belova A.V. «*Chetyre vozrasta zhenshchiny*»: *povsednevnyaya zhizn' ruskoj provincial'noj dvoryanki XVIII – serediny XIX v.* [“Four ages of a woman”: the everyday life of a Russian provincial noblewoman of the XVIII-mid-XIX century] – St. Petersburg: Aletejya, 2010. – 478 p.
4. Veremenko V.A. *Na ostrie domashnego prostranstva: hozyaeva i prisluga v dvoryanskikh sem'yah Rossii (XIX – nachalo XX v.)* [On the edge of home space: masters and servants in the noble families of Russia (XIX – early XX century)] // *Rossijskaya istoriya XIX–XX vekov: Gosudarstvo i obshchestvo. Sobytiya i lyudi. Sbornik statej* [Russian history of the XIX–XX centuries: The State and society. Events and people. Collection of articles]. – St. Petersburg: Liki Rossii, 2013. – P. 58–77.
5. Veremenko V.A. *Pomeshchik i dvornya: specifika vzaimootnoshenij (pervaya polovina XIX v.)* [The landowner and the yard: the specifics of relations (the first half of the XIX century.)] // *Stolica i provincii: vzaimootnosheniya centra i regionov v istorii Rossii: materialy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem / otv. red. V.V. Karpova* [Capital and provinces: the relationship of the center and regions in the history of Russia: materials of the Russian Scientific conference with the international participation / ed. by V.V. Karpova]. – Is. 8. – St. Petersburg: LGU im. A.S. Pushkina, 2017. – P. 27–34.
6. *Vospominaniya Aleksandra Vasil'evicha Meshcherskogo* [Memoirs of Alexander Vasilyevich Meshchersky]. – Moscow: Univ. tip., 1901. – 202 p.
7. *Vrangel' N.N. Starye usad'by. Ocherki russkogo iskusstva i byta* [Old estates. Essays on Russian art and everyday life]. – St. Petersburg: b.i., 1910. – 181 p.
8. Dmitriev A. *Baron Frederiks i ego vladeniya. Iz istorii Vyborgskoj gubernii* [Baron Fredericks and his possessions. From the history of the Vyborg province] // Vy-

borgskie vedomosti [Vyborg Vedomosti]. – 2013. – № 96. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://vyborg-press.ru/articles/11701/> (data obrashcheniya: 01.08.2021).

9. Kuznecova Yu.M. *Russkaya dvoryanskaya usad'ba. Ekonomicheskie, politicheskie i social'no-kul'turnye aspekty (vtoraya polovina XVIII – nachalo XIX vv.): dissertaciya ... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.02* [Russian noble estate. Economic, political and socio-cultural aspects (the second half of the XVIII – early XIX centuries): dissertation ... Candidate of Historical Sciences: 07.00.02.]. – Samara, 2005. – 198 p.

10. *Leningradskij oblastnoj gosudarstvennyj arhiv v g.Vyborge (LOGAV)* [Leningrad Region State Archive in Vyborg (LOGAV)]. F. 1. Op. 2. D. 787.

11. LOGAV. F. 535. Op. 1. D. 1.

12. LOGAV. F. 535. Op. 1. D. 3.

13. LOGAV. F. 535. Op. 1. D. 5.

14. LOGAV. F. 535. Op. 1. D. 6.

15. LOGAV. F. 535. Op. 1. D. 7.

16. LOGAV. F. 535. Op. 1. D. 8.

17. LOGAV. F. 535. Op. 1. D. 12.

18. LOGAV. F. 535. Op. 1. D. 14.

19. LOGAV. F. 535. Op. 1. D. 15.

20. LOGAV. F. 535. Op. 1. D. 16.

21. LOGAV. F. 535. Op. 1. D. 17.

22. LOGAV. F. 535. Op. 1. D. 18.

23. Lotman YU.M. *Besedy o russoj kul'ture: byt i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture: the life and traditions of the Russian nobility (XVIII – beginning of XIX century)]. – St. Petersburg: Iskusstvo-SPb, 2008. – 412 p.

24. Ohlyabinin S.D. *Povsednevnyj zhizn' russoj usad'by XIX veka* [Everyday life of a Russian estate of the XIX century]. – Moscow: Molodaya gvardiya, 2006. – 347 p.

25. Paaskoski YU. *Zhalovannye zemli na territorii Staroj Finlyandii, 1710–1812* [Donational lands in the territory of Old Finland, 1710–1812] // *Russkij Sbornik: issledovaniya po istorii Rossii / Red.-sost. O.R. Ajrapetov, M.A. Kolerov, Bryus Menning, Pol Chejsti* [Russian Collection: studies in the history of Russia / Ed.-comp. O. R. Ayrapetov, M. A. Kolerov, Bruce Manning, Paul Chaste]. – Vol. XVII: Finlyandiya i Rossiya [Finland and Russia]. – Moscow: Modest Kolerov, 2015. – P. 85–112.

26. Ruzvel't P. *Zhizn' v russoj usad'be: opyt social'noj i kul'turnoj istorii / Avtorizov. per. s angl. N.A. Voznesenskogo i A.V. Voznesenskogo* [Life in the Russian country estate: the experience of social and cultural history / Authorized translation from English. N.A. Voznesensky and V.A. Voznesensky]. – St. Petersburg: «Kolo», 2008. – 518 p.

27. Smirnov A.A., Smirnova O.K. *Vyborgskie usad'by XVIII – XIX vekov* [Vyborg estates of the XVIII-XIX centuries]. – St. Petersburg: Alaborg, 2009. – 88 p.

28. Meurman Otto-I. Viipurin pitäjän historia III – Kartanot. – Kustantaja: Viipurin maalaiskuntalaisten pitäjäseura ry, 1985. – 448 p.